

Раздел 2. РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ИНФОРМАЦИЯ

7

Проблемы мирового хозяйства: взгляд Высшей школы экономики* (о монографии «Мировая экономика в начале XXI века»)**

В. Г. Клинов

В работе рассматриваются механизмы и тенденции развития мирового хозяйства, природа среднесрочных экономических циклов и длинных волн экономического развития, а также проблемы глобального регулирования макроэкономических процессов, проанализированные в коллективной монографии «Мировая экономика в начале XXI века». Оценены перспективы развития энергетики в свете ожидаемых изменений в структуре мирового хозяйства.

***Ключевые слова:** экономический рост, экономические циклы, глобализация и обострение конкуренции, экономика мира, развитых и развивающихся стран, мировой рынок углеводородов, экономическая политика.*

Коллектив авторов, представляющих Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и ряд других российских и иностранных научных центров, подготовил фундаментальный труд, посвященный актуальным проблемам развития мирового хозяйства. В аннотации научный руководитель коллектива, заведующий кафедрой мировой экономики факультета мировой экономики и политики НИУ ВШЭ Л. М. Григорьев характеризует коллективную работу как исследовательскую монографию и учебное пособие. С учетом значимой роли НИУ ВШЭ в подготовке кадров – экономистов и политологов – трактовка современного состояния мировой экономики преподавателями и научными сотрудниками этого университета приобретает особый интерес.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00330).

** Мировая экономика в начале XXI века: уч. пособ. М.: Директ-Медиа, 2013. – 880 с.

Проблемы глобального управления

В центре внимания авторского коллектива находятся проблемы глобального управления развитием мирового хозяйства. Их анализу посвящен первый раздел монографии «Механизмы регулирования глобальной экономики». Проблемы управления и регулирования изучаются и в других разделах, где рассматриваются механизмы экономического роста и циклической динамики, состояние глобальных финансов, демографические процессы и занятость экономически активного населения, перспективы мировой энергетики, экологии и природных ресурсов, а также специфика развития отдельных стран и их группировок.

В качестве наиболее важных мы выделили особенности функционирования механизмов макроэкономических процессов и проблемы их регулирования, а также тенденции развития и регулирования энергетического комплекса. Перспективы мирового хозяйства и энергетического комплекса имеют первостепенное значение для будущего экономики России.

Необходимость глобального управления мировым хозяйством становится все более настоятельной. Рецессия 2008–2009 гг., осложненная кризисом финансовой системы, наглядно это продемонстрировала. Вместе с тем в институциональном плане не созданы предпосылки для эффективного регулирования. Отсутствие мирового правительства, односторонняя ориентация международных институтов, например МВФ, на интересы развитых стран в ущерб интересам стран с развивающейся экономикой¹, слабость наднациональных органов Европейского союза (Григорьев 2013: 722–723) показывают отсутствие надежной организационной основы для решения вопросов глобального регулирования.

Автор главы 9 «Макроэкономическая теория и практика на этапе выхода из кризиса» кандидат физико-математических наук И. Прилепский (эксперт Экономической экспертной группы) считает, что в дальнейшем устойчивость мирового экономического роста будет определять международная кооперация в проведении макропруденциальной политики. Имеется в виду соблюдение ведущими странами стандартов банковского регулирования «Базель III», переход на которые предполагается к 2019 г. Предусматривается, в частности, «снижение стимулов к избыточному накоплению рисков в периоды “бума”» (Там же: 224).

По нашему мнению, обеспечить международную кооперацию в области ужесточения норм стимулирования экономического роста банками и страховыми компаниями вряд ли реально, пока не удастся решить проблему конкурентоспособности развитых стран в условиях глобализации. обостре-

¹ Развивающиеся страны – Китай и Аргентина – проигнорировали рекомендации МВФ и смогли успешно решить проблемы экономического развития (Григорьев 2013: 195).

ние конкуренции со стороны крупных быстроразвивающихся стран в начале XXI в. подтолкнуло корпорации развитых стран к использованию рискованных бизнес-схем. Это стало одной из причин кризиса финансовой системы. Вместе с тем нереалистично предполагать, что выход из такой ситуации связан с ограничением глобализации. Результаты политики автаркии как средства преодоления Великой депрессии 1930-х гг. наглядно показали, к чему может привести игнорирование внешнеэкономических связей.

Автор главы 8 «Восприятие мирового кризиса» профессор Университета Карлтона (Оттава) П. Дуткевич полагает, что «глобализация, какой мы ее знаем, завершена» (Григорьев 2013: 208), и предсказывает возврат протекционизма. Международная кооперация в области ужесточения норм стимулирования экономического роста становится еще более проблематичной в случае усиления протекционистских тенденций.

Недостатки национальных институтов проявляются в том, что во многих развивающихся странах и странах с переходной экономикой, включая Россию, по словам лауреата Нобелевской премии по экономике (2001 г.) Дж. Стиглица, «частные рынки могут дать более мощные посылы к разграблению и отвлечению активов, чем к созданию богатства» (Там же: 77). Асоциальные нормы поведения хозяйствующих субъектов и представителей власти как результат несовершенства институциональной среды ярко охарактеризованы в главе 3 «Государство в глобальной экономике», написанной докторами экономических наук С. Кадочниковым (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) и Л. Ружанской (Уральский федеральный университет, Екатеринбург).

Помимо институциональной основы важной предпосылкой успеха глобального управления должна стать выработка адекватных представлений о процессах экономической и социальной динамики, подлежащих регулированию. Значительное место в монографии занимает трактовка механизмов рассматриваемых процессов в современной экономической науке, что соответствует статусу издания как учебного пособия. К сожалению, наука представлена преимущественно основным течением англосаксонских школ (так называемым мейнстримом).

Макроэкономические процессы

Авторы монографии критически отзываются о возможности применения концепций мейнстрима для разработки инструментов глобального управления макроэкономическими процессами. В главе 6 «Теория цикла под ударом кризиса» профессор Л. Григорьев и А. Иващенко (аспирант экономического факультета МГУ) отмечают, что современная неоклассическая теория цикла самоустранилась от прогнозирования конъюнктуры

(Григорьев 2013: 140). Постулирование стохастической природы экономического цикла привело и к самоустранению от антициклической политики. «Если шоки, порождающие фактическую динамику экономических систем, случайны, то со случайностью бороться нельзя» (Там же: 142).

Р. Лукас (лауреат Нобелевской премии по экономике 1995 г.) причиной рецессий считает временное замешательство хозяйствующих субъектов, их неспособность отличить динамику цен инфляционного характера от изменения цен, вызванных сменой конъюнктуры в конкретных областях деятельности. По Лукасу, антициклические меры государства лишь усиливают это замешательство, следовательно, такая политика на деле усугубляет, а не улучшает ситуацию в экономике (см.: Krugman 2012: 380).

К сожалению, в монографии не нашли должного отражения стилизованные факты, основанные на анализе циклической динамики статистических показателей. К их числу относится продолжительность циклов К. Жюгьяра – от 7 до 11 лет и циклов Дж. Китчина – от 3 до 3,5 лет (Кондратьев 2002: 343). Между тем в монографии высоко оценивается значение обобщений в форме стилизованных фактов. По определению авторов главы 12 «Мировые дисбалансы сбережений и инвестиций» Л. Григорьева и А. Иващенко, стилизованный факт – это «совокупность статистической информации, дающая достоверное представление о реальном объекте исследования» (Григорьев 2013: 279).

Циклы Жюгьяра связывают с процессами обновления активной части основного капитала. В развитых странах интенсивность и периодичность обновления основных фондов зависят от темпов и направлений НТП. Большой интенсивности и стабильности обновления основного капитала достигают страны, вступившие на путь индустриализации и догоняющего развития.

По оценке авторов главы 12, мировые вложения в основной капитал составили в 2010 г. 13,9 трлн долларов, или около 22 % мирового ВВП. Наиболее высокая норма капиталовложений в крупных быстроразвивающихся странах – в Китае – 46,2 % ВВП, а в развивающихся странах без учета Китая – 22,5 %. В США норма капиталовложений была ниже показателей развитых стран и среднемировых: в 2010 г. – 15,4 % ВВП, а в развитых странах без США – 20,0 %.

Более половины мировых вложений в основной капитал в 2010 г. приходилось на развитые страны, в том числе на США – 16 % и остальные развитые страны – 38,6 %, в сумме – 54,6 %. На Китай пришлось 19,3 %, а на остальные развивающиеся страны – 26,0 %, всего – 45,3 % (Там же: 286). К группе развивающихся отнесены и страны с переходной экономикой.

Мировые сбережения в 2010 г. составили 14,9 трлн долларов, то есть на 1 трлн превысили сумму вложений в основной капитал. Сбережения развитых стран составили 7,6 трлн долларов, или 51 % мирового итога; остальных стран – 7,3 трлн, или 49 % (Григорьев 2013: 289).

Преимущество в области нормы и отдачи вложений в основной капитал обеспечило быстрое продвижение крупных развивающихся стран по траектории догоняющего развития. В 2009–2011 гг. отдача вложений в основной капитал составила в Китае 23,6 %, в Индии – 23,8 %. Для сравнения: в США в 2008–2011 гг. отдача равнялась 1,2 %, а в Японии была отрицательной (–4,1 %) (Клинов 2013: 15–17, 24).

За два десятилетия (1990–2000-е гг.) доля Китая в мировом ВВП увеличилась в 5 раз – с 1,8 до 9,2 %, а развивающихся стран в целом – с 20,6 до 34,7 %. Доля развитых стран в мировом ВВП снизилась с 79,4 % в 1990 г. до 65,3 % в 2010 г., а США – соответственно с 26,1 до 22,9 % (Григорьев 2013: 286). Приведенные данные основаны на пересчете национальных валют в доллары по валютному курсу. При пересчете по паритету покупательной способности (ППС) доля развивающихся стран существенно повышается. Ожидается, что объем ВВП Китая, пересчитанный в доллары по ППС, уже в 2014 г. превзойдет показатель США (Giles 2014).

Масштабы и интенсивность процессов модернизации определяют сроки чередования периодов накопления сбережений, когда емкость рынка растет медленнее, чем национальный доход, и периодов расходования сбережений, когда рост емкости опережает динамику дохода. Смене периодов накопления и расходования сбережений соответствует последовательность фаз циклического сжатия и расширения.

На развитие среднесрочного цикла влияют также события случайного характера в природной и социальной среде и изменения в налогово-бюджетной и денежно-кредитной политике. От сочетания благоприятных или неблагоприятных событий зависят продолжительность фаз расширения и сжатия, а также их интенсивность.

Ослабление конкурентоспособности развитых стран и рост долгового бремени обусловили тяжесть Великой рецессии и усугубили трудности ее преодоления. Постоянное изменение баланса случайных факторов экономической конъюнктуры затрудняет прогнозирование циклов. Можно, однако, утверждать, что в интервале от 7 до 11 лет после начала последней рецессии возрастает вероятность начала новой фазы сжатия.

Циклы Китчина, материальной основой которых выступает динамика товарно-материальных запасов, за последние полвека существенно ослабели ввиду улучшения управления запасами, особенно благодаря применению информационно-коммуникационной техники (ИКТ). Среднесроч-

ный экономический цикл в настоящее время укладывается в рамки цикла Жюгляра. Ранее он дробился циклом Китчина (Клинов 2010: 18).

Несомненный интерес в монографии представляет изучение механизмов исследуемых процессов на основе собственного анализа динамических рядов статистических показателей. Можно выразить сожаление, что авторы стараются не использовать концепцию больших экономических циклов Н. Д. Кондратьева. В главе 4, посвященной эволюции теории экономического роста, доктор экономических наук профессор М. Дорошенко (МГУ и НИУ ВШЭ) упоминает длинные волны Й. Шумпетера в связи с рассмотрением концепций эндогенного роста. Сам Шумпетер называл длинные волны, или большие циклы, кондратьевскими (Schumpeter 1939: 219).

Эмпирические правильности (стилизованные факты в современном прочтении), характеризующие связь процессов накопления и расходования научно-технического потенциала с динамикой больших циклов экономической конъюнктуры, были сформулированы Кондратьевым. Отметим его утверждение, что развитие техники включено в ритмический процесс развития больших циклов (Кондратьев 2002: 172, 383). Эти положения предопределили основные направления разработки современной эндогенной концепции длинных волн экономического развития.

В главе 6 Л. Григорьев и А. Иващенко предприняли попытку проанализировать, как тенденции экономического роста США за период с 1947 по 2007 г. зависят от динамики цен на нефть. На основе рис. 1 на с. 153 авторы делают вывод, что высокие среднегодовые темпы прироста ВВП наблюдались, когда цены на нефть были низкими, а низкие темпы – когда они были высокими.

В период низких цен на нефть в 1948–1972 гг. отмечались наиболее высокие темпы прироста ВВП США. Насколько можно судить по рис. 1, они составили около 3,75 %. Цена на нефть снизилась с 20 долл./барр. в 1947 г. до примерно 15 долл./барр. в 1972 г. Наименьшая цена порядка 10 долл./барр. зафиксирована в 1970 г. Здесь и далее цены исчислены на базе покупательной способности доллара в 2008 г. (принята за 100).

Период 1973–1990 гг. характеризовался низкими темпами роста ВВП и высокими ценами на нефть. Среднегодовые темпы прироста ВВП составили около 3,1 %. Наиболее высокой отметки – 100 долл./барр. – цены на нефть достигли в 1980 г. Затем преобладала тенденция к их снижению. В 1990 г. цена равнялась 40 долл./барр., а наименьшая зафиксирована в 1988 г. – около 30 долл./барр.

Последний период 1991–2007 гг. авторы характеризуют как период низких темпов прироста ВВП и высоких цен на нефть. Темпы прироста ВВП составили в среднем около 3 %. Цены на нефть в начале третьего пе-

риода снижались примерно до 19 долл./барр. в 1998 г., а затем стремительно повышались, достигнув высшей точки в 2007 г. – 100 долл./барр.

Логично предположить, что повышение мировых цен на нефть отрицательно, а снижение – положительно влияло на динамику ВВП США, как и других развитых стран, удовлетворяющих значительную часть своих потребностей в жидком топливе за счет импорта нефти. При этом необходимо принять во внимание причины повышения цен на нефть и другие факторы, которые могли воздействовать на динамику ВВП: «Статистический анализ колебаний... типичный для современной теории цикла, должен сопровождаться более тщательным изучением характеристик экономического роста» (Григорьев 2013: 152).

В 1970-е гг. рост цен на нефть был вызван недостатком предложения товара. Вложения в разведку месторождений и наращивание мощностей по добыче нефти сократились из-за ухудшения инвестиционного климата в нефтедобывающих странах Ближнего Востока после победы революции в Ираке в 1957 г. В то же время политика низких цен, проводимая нефтяным картелем ТНК в 1960-е гг. для ограничения рентных и налоговых платежей, стимулировала расширение спроса на нефть (Akins 1973: 486; Клинов 1992: 132–135).

В 2000-е гг. США вновь столкнулись с резким повышением цен на нефть. Оно было связано с интенсивным спросом со стороны крупных быстроразвивающихся стран. Китай обеспечил более 50 % прироста мирового потребления энергии в этот период (Григорьев 2013: 517). Острая конкуренция со стороны этих стран проявилась в области не только спроса на энергию и сырьевые товары, но и сбыта продукции обрабатывающей промышленности. Отрицательное сальдо торговли товарами США с Китаем составило 215 млрд долларов в 2007 г. и 231 млрд в 2010 г. Отрицательное сальдо торговли ЕС с Китаем достигло 190 млрд долларов в 2010 г. против 175 млрд в 2007 г. (Там же: 182).

Несмотря на двойной удар по конкурентным позициям США, среднегодовые темпы прироста ВВП в последнем (третьем) из рассматриваемых периодов снизились не так сильно, как во втором периоде относительно первого. Представляется, что использование концепции длинных волн может способствовать более адекватной оценке механизма экономического роста. Уже более 100 лет США остаются лидером НТП. По динамике ВВП на душу населения или по производительности труда страны-лидера можно судить о динамике большого цикла экономической конъюнктуры, выделяя фазы восходящей и нисходящей волн.

Д. Йоргенсон (профессор Гарвардского университета) с соавторами, рассматривая практически тот же отрезок времени, что и авторы главы 6, тоже разделил его на три периода. В первый период, 1948–1973 гг., сред-

негодовой темп прироста производительности труда в предпринимательском секторе экономики США составил 2,6 %; в 1974–1995 гг. он опустился до 1,5 %, а в 1996–2006 гг. повысился до 2,7 % (Jorgenson *et al.* 2007). Показатели динамики производительности труда позволяют говорить о восходящей волне большого цикла экономической конъюнктуры в 1948–1973 гг., нисходящей волне в 1974–1995 гг. и начале восходящей волны большого цикла первой половины XXI в. в 1996–2006 гг. Данные Бюро статистики труда (БСТ) США о динамике производительности труда в предпринимательском секторе без сельского хозяйства несколько отличаются от данных Йоргенсона, но не меняют общего представления о смене фаз длинных волн в рассматриваемый период. По данным БСТ, в 1953–1972 гг. среднегодовой прирост составил 2,7 %, в 1973–1992 гг. – 1,6 % и в 1993–2012 гг. – 2,1 %. Если придерживаться периодизации Йоргенсона, то, согласно официальным данным, среднегодовой темп прироста производительности труда в предпринимательском секторе экономики США составил в 1974–1995 гг. 1,6 %, а в 1996–2013 гг. – 2,4 % (Economic... 2014: 186, 385).

Основным локомотивом новой восходящей волны развития послужила перестройка экономики и образа жизни на основе широкого применения доступной в функциональном и ценовом отношении информационно-коммуникационной техники. В конце 1980-х гг. Р. Солоу (лауреат Нобелевской премии по экономике 1987 г.) сформулировал парадокс: «Век компьютера можно наблюдать повсюду, но не в статистике производительности» (Solow 1987: 36). Это наблюдение соответствовало ситуации в экономике США в 1980-е – начале 1990-х гг. Производство и применение ПК начались в 1977 г. и за короткий срок достигли гигантских масштабов, а темпы прироста производительности труда оставались относительно низкими до середины 1990-х гг.

Последовавший затем скачок в приросте производительности труда был связан с расширением функций и стремительным улучшением характеристик информационных и коммуникационных устройств, а также с многократным удешевлением электронной техники, широким применением цифровых программируемых систем автоматизации производственных процессов и интенсивным развитием Интернета.

Во второй половине XX в. темп прироста ВВП на душу населения в США примерно соответствовал динамике производительности труда, а темп прироста ВВП отличался от темпа прироста производительности на темп прироста затрат рабочего времени. Среднегодовой темп прироста ВВП в 1973–1992 гг. снизился по сравнению с 1948–1972 гг. примерно на 0,5 п. п. меньше, чем темп прироста производительности труда. Это связано с более быстрым, на 0,5 п. п., приростом затрат рабочего време-

ни в 1973–1992 гг. по сравнению с 1948–1972 гг. (Economic... 2014: 378, 379, 384).

Таким образом, снижение среднегодовых темпов прироста ВВП США в 1974–1995 гг. по сравнению с 1948–1973 гг. практически полностью может быть объяснено в рамках концепции длинных волн. Имеется в виду вступление в фазу зрелости жизненного цикла большинства отраслей, переживших фазу интенсивного роста в 1948–1973 гг. и составивших основу научно-технической революции в третьей четверти XX в.

Ослабление влияния повышения цен на нефть на динамику ВВП, по-видимому, связано с быстрым распространением энергосберегающей техники. Энергосбережение стало одним из факторов снижения цен на нефть и сокращения инвестиций в мощности по ее добыче в период с 1981 до конца 1990-х гг.

В 1991–2007 гг. среднегодовой темп прироста ВВП в США снизился примерно на 0,1 п. п., а темп прироста производительности труда вырос на 0,8 п. п. Чтобы выдержать конкуренцию со стороны крупных развивающихся стран, располагающих большими резервами дешевой рабочей силы, США (и другие страны с относительно дорогой рабочей силой) должны интенсивно наращивать производительность труда. Из-за того что повышение производительности не сопровождается соответствующим приростом ВВП на душу населения, увеличивается безработица, шире распространяется частичная занятость. При темпе прироста рабочей силы (рабочего времени), примерно равном темпу прироста населения, этот вывод прямо вытекает из формулы:

$$\Delta \text{GDP} = \Delta \frac{\text{GDP}}{L} + \Delta L,$$

где Δ – среднегодовой темп прироста; GDP – ВВП; L – рабочее время, затраченное на производство ВВП, человеко-час; $\frac{\text{GDP}}{L}$ – производи-

тельность труда.

Численность безработных в США в связи с рецессией увеличилась с 7 млн человек в 2006 г. до 14,8 млн в 2010 г. Норма безработицы при этом повысилась с 4,6 до 9,8 %. Продолжительность рабочей недели сократилась за это же время на 1,5 % (Economic... 2014: 379, 380, 384). Для снижения нормы безработицы и удержания ее на приемлемой отметке США придется не только сохранять в длительной перспективе высокие (по сравнению с основными конкурентами) темпы прироста производительности, но и поддерживать по крайней мере на таком же уровне темп прироста ВВП на душу населения.

К сожалению, проблема стимулирования экономического роста средствами налогово-бюджетной политики подробно в монографии не рассмотрена. Но в главе 10 «Теория и практика фискальной консолидации», посвященной проблеме сокращения дефицита государственных бюджетов и государственного долга, М. Владимирова (независимый эксперт, Цюрих) отмечает, что увеличение налогов на доходы негативно влияет на экономическую деятельность (Григорьев 2013: 229).

И. Прилепский выделяет три главных направления экономической политики развитых стран и характеризует их значение для экономического роста в настоящее время и в будущем. Главная роль в обеспечении макроэкономической стабильности в развитых странах отводится денежно-кредитной политике. Налогово-бюджетная система призвана формировать благоприятный климат для предпринимательской деятельности. Регулирование финансового сектора должно быть умеренным, нацеленным на обеспечение прозрачности операций (Там же: 213).

Во многих развитых странах наблюдается тенденция к снижению ставки налогов на прибыль корпораций, что позволит в перспективе нивелировать преимущество развивающихся стран в форме более высокой отдачи вложений в основной капитал. За период с 1995 по 2013 г. в странах ЕС максимальная ставка снизилась в среднем на 12,1 п. п. – до 23,2 %. Наиболее значительно была уменьшена ставка в Германии – на 27 п. п., а самого низкого показателя среди крупных стран ЕС она достигла в Великобритании – 23,0 % (снижение на 10 п. п.) (Тах... 2013: 112).

Данные по США, приведенные в главе 26 (автор – Л. Григорьев), свидетельствуют о тесной зависимости динамики вложений в оборудование от роста прибыли компаний нефинансового сектора в период с 1970 по 2012 г. За эти годы прибыль выросла примерно в 5 раз, а инвестиции в оборудование – в 10 раз. Характерно, что загрузка мощностей в длительной перспективе сократилась с 90 % в 1973 г. до примерно 78 % в 2012 г. (Григорьев 2013: 688).

Среднеарифметическая максимальная ставка личного подоходного налога 27 стран ЕС снизилась с 47,4 % в 1995 г. до 38,9 % в 2013 г. В Германии она уменьшилась с 57,0 до 47,5 %, во Франции – с 59,1 до 50,2 %, в Италии – с 51,0 до 47,3 %. В Великобритании ставка возросла с 40,0 % в 1995 г. до 50,0 в 2010 г., а затем снизилась до 45,9 % в 2013 г. (Тах... 2013: 112). Снижение налогов на доходы, особенно корпораций, улучшает инвестиционный и предпринимательский климат.

Развитые страны стремятся наполнить государственные бюджеты за счет введения прогрессивных налогов на потребление (налог на добавленную стоимость, НДС), на недвижимое имущество и эксплуатацию невозпроизводимых природных ресурсов. Прогрессия в ставках НДС может

ограничить избыточное потребление в пользу большего сбережения и инвестиций в создание новых рабочих мест.

Прогрессивное обложение недвижимого имущества (капитала) способствует ограничению монопольной концентрации имущества и формированию конкурентной среды. Обложение добычи полезных ископаемых должно служить рациональному и бережному использованию природных ресурсов и защите окружающей среды.

Базовая ставка НДС в ЕС повысилась в среднем с 19,9 % в 2009 г. до 21,4 % в 2013 г. В Великобритании за указанные годы она возросла с 15 до 20 %, в Италии – с 20 до 22 %, Испании – с 16 до 21 %. В Германии ставка увеличилась с 16 % в 2006 г. до 19 % в 2007 г. и не менялась до 2013 г. Во Франции базовая ставка НДС оставалась на отметке 20 % (Тах... 2013: 115).

Ставка налога на капитал в странах ЕС в среднем повысилась с 25,7 % в 1995 г. до 28,9 % в 2011 г. Во Франции она увеличилась с 32,2 до 44,4 %; в Италии – с 27,3 до 33,6 %, в Великобритании – с 34,3 до 34,9 %, в Германии – с 21,3 до 22,0 % (*Ibid.*: 111).

Проблемы энергетики

Актуальные проблемы развития мировой энергетики рассмотрены в главе 20, написанной Л. Григорьевым и А. Курдиным (доцент кафедры мировой экономики НИУ ВШЭ). Согласно приведенным в ней данным, зависимость мирового экономического роста от потребления энергии возрастает, хотя высокие цены на нефть и другие энергоносители стимулировали энергосбережение. В развитых странах (ОЭСР) коэффициент эластичности потребления энергии по темпу прироста ВВП снизился с 0,55 в 1986–2002 гг. до 0,28 в 2003–2008 гг. и 0,27 в 2010–2012 гг. Для развитых стран, вступивших в этап постиндустриального развития, задача энергосбережения значительно облегчается. Этому способствуют и высокие затраты на научные исследования и разработки (НИР) в области производства и потребления энергии.

В те же периоды коэффициент эластичности потребления энергии по темпу прироста ВВП в остальных странах повысился с 0,55 до 0,77 и 0,90. Причиной может быть активная индустриализация крупных быстроразвивающихся стран. Большая часть прироста энергопотребления в 2000-е гг. приходилась на развивающиеся страны. Этим объясняется повышение мирового коэффициента эластичности энергопотребления по темпу прироста ВВП: соответственно с 0,56 до 0,69 и 0,83 (Григорьев 2013: 519).

К сожалению, в монографии нет оценок темпов экономического роста на долгосрочную перспективу, лишь во втором разделе приведены оценки новейших тенденций экономического роста и факторов, которые могут по-

влиять на динамику экономического роста в обозримом будущем. Прогноз темпов экономического роста необходим, чтобы, опираясь на приведенные коэффициенты эластичности, составить представление о перспективах потребления энергии.

Согласно данным, приведенным в главе 5, написанной Л. Григорьевым и Е. Паршиной (советник Аналитического центра при Правительстве РФ), среднегодовой темп прироста мирового ВВП на душу населения повысился с 1,7 % в 1993–2000 гг. до 2,3 % в 2001–2010 гг. (Там же: 131). Прибавляя темпы прироста населения мира в указанные периоды (Там же: 621), получаем, что темп прироста мирового ВВП увеличился с 3,1 до 3,5 %. Умножая темпы прироста ВВП на коэффициенты эластичности энергопотребления (0,55 в первом случае и 0,83 – во втором²), получаем, что среднегодовой темп прироста мирового потребления энергии в начале XXI в. повысился до 2,9 % по сравнению с 1,7 % в последнем десятилетии XX в.

Важно проанализировать изменение спроса на различные энергоносители. Особое значение имеет оценка динамики потребления углеводов, доля которых в структуре современного мирового энергобаланса наибольшая.

Самым серьезным изменением в структуре использования углеводов к 2010 г. по сравнению с 1971 г., по мнению авторов монографии, можно считать укрепление позиций нефти как сырья для производства моторного топлива. Для нужд транспорта в мире в 2010 г. использовалось 53,5 % нефти против 36,9 % в 1971 г. Нефтепродукты обеспечивали 93 % потребности мирового транспорта в моторном топливе. На втором месте после транспорта по доле использования нефти идут «другие виды применения» – 30,8 % в 2010 г. Основные составляющие этой статьи – нефтехимия и домохозяйства.

Электро- и теплоэнергетика вышли на первое место по доле потребления природного газа – до 40,2 % в 2010 г. против 23,2 % в 1971 г.³, оттеснив на второе место «другие виды использования» газа – 39,5 %. Доля углеводов для обеспечения энергетических нужд промышленности за рассматриваемый период существенно сократилась: газа – с 36,2 до 17,3 %, нефти – с 17,9 до 9,1 % (Григорьев 2013: 523).

Высокая эластичность спроса по доходам на товары длительного пользования, в частности на легковые автомобили, позволяет предположить высокие темпы роста автомобилизации до 2035 г. в Китае и Индии, о чем пишут авторы главы 29 Л. Григорьев и В. Кульпина (магистрант НИУ ВШЭ) и главы 30 доктор исторических наук С. Лунев (профессор МГИ-

² Коэффициент рассчитан за 2010–2012 гг., когда среднегодовой темп прироста мирового ВВП достиг 4 %.

³ На электро- и теплоэнергетику расходовалось 6,6 % нефти.

МО-Университета). В Китае ожидается увеличение обеспеченности автомобилями с 50 на 1 тыс. жителей в 2010 г. до 300 в 2035 г., что может соответствовать среднегодовому темпу прироста автомобильного парка в этой стране 7,5–8 %.

Есть основание считать, что потребление нефти будет расти быстрее, чем энергии в целом. Оценки Международного энергетического агентства (МЭА) среднегодовых темпов прироста мирового потребления нефти в 2011–2035 гг. – 0,5 % и потребления Китая – 2,2 %, согласно данным, приводимым в монографии (Григорьев 2013: 524, 530, 870), явно занижены. С учетом высоких капитальных затрат на наращивание мощностей по добыче нефти и необходимости замещения выбывающих мощностей в связи с истощением ранее освоенных месторождений можно предположить отставание предложения от спроса в длительной перспективе и повышение цен на нефть.

Не менее важен вопрос о возможных пределах колебания цен на нефть, тем более что от этого зависит динамика цен других энергоносителей. Низкая эластичность предложения и спроса на энергоносители по ценам затрудняет их выравнивание в случае нарушения по тем или иным причинам на стороне предложения и/или спроса. Поэтому даже небольшое нарушение равновесия спроса и предложения вызывает значительное изменение цен.

К сожалению, авторы называют частные, а не общие причины низкой эластичности энергоносителей по цене (Там же: 521–522). Общее правило в том, что эластичность предложения находится в обратной зависимости от капиталоемкости производства. Добывающая промышленность и связанная с ней инфраструктура относятся к числу наиболее капиталоемких производств и характеризуются низкой эластичностью предложения продукции. Низкий коэффициент эластичности спроса (меньше 1) характерен для всех товаров краткосрочного пользования, к которым относятся и энергоресурсы.

Резкое снижение мировых цен на нефть в 2008 г. вызвало опасения стран-поставщиков в отношении будущих цен. Тогда цены упали с 147 долл./барр. в августе 2008 г. до 30–40 долл./барр. в конце того же года (Там же: 829) при снижении спроса на нефть менее чем на 4 % (Там же: 531). Опасения связаны с тем, что наполнение государственного бюджета стран – экспортеров энергоносителей в значительной степени зависит от доходов от экспорта нефти и природного газа.

На рынке сырья и энергоносителей нижняя граница падения цен определяется уровнем затрат на единицу продукции у наиболее эффективных поставщиков, если они способны удовлетворить весь мировой спрос в условиях рецессии. В этом контексте весьма актуально соображе-

ние о том, что нужно не только ориентироваться на затраты, связанные с добычей нефти на Ближнем Востоке, где они весьма низкие, но и учитывать все налоги и рентные платежи, от которых зависит наполнение бюджета этих стран.

С учетом необходимости наполнения госбюджета оптимальная цена для Саудовской Аравии оценивалась в 2011 г. на уровне 70–80 долл./барр. (Григорьев 2013: 527), а для ОПЕК в целом – около 100 долл./барр. (Там же: 534). За 2004–2011 гг. выручка от экспорта нефти стран ОПЕК составила 5,69 трлн долларов, а их государственные расходы – 5,12 трлн долларов (Там же: 832).

Авторы главы 31 Л. Григорьев и А. Курдин рассчитали минимально допустимые цены для 14 стран – экспортеров нефти и для ОПЕК в целом. Разброс оценок велик: от 36,2 долл./барр. для ОАЭ до 143,5 – для Венесуэлы. Для ОПЕК минимальная цена составила 74,8 долл./барр., для Саудовской Аравии – 70,1 и России – 112,3 долл./барр. (Там же: 832–833). МЭА не исключает сценария, при котором цена может повыситься до 150 долл./барр. в 2015–2016 гг. (Там же: 533).

В дальнейшем динамика добычи углеводородов, а следовательно, и мировая конъюнктура рынков нефти и природного газа и цены на них будут зависеть от освоения новых видов ресурсов и повышения нормы извлечения углеводородов из старых месторождений. На это нацелены ТНК развитых стран (Там же: 585), о чем пишут авторы главы 22 член-корреспондент РАН В. Крюков (зав. кафедрой энергетических и сырьевых рынков НИУ ВШЭ) и О. Селезнева (аспирант той же кафедры).

Опыт России, с сожалением отмечают авторы, демонстрирует движение в обратном направлении: разведка нацелена на поиск месторождений легкоизвлекаемой нефти. «На действующих месторождениях добыча нефти характеризуется избирательным освоением лучших участков, в результате чего степень извлечения нефти из недр находится на невысоком уровне. Среди причин – не только инерция государственной политики в данной области, но также и противодействие со стороны “групп с особыми интересами” (в том числе и “в лице” крупных компаний с государственным участием)» (Там же: 585).

Дополнительные проблемы

В рамках данной статьи нет возможности оценить значение многих проблем, которые не позволяют повысить благосостояние и качество жизни во многих странах. В их числе ограниченность природных ресурсов и необходимость расходов на защиту окружающей среды, а также мобилизация ресурсов на финансирование НИР и формирование человеческого капитала. Вызывает озабоченность возможность возобновления гонки во-

оружий. Растрата ограниченных ресурсов на ведение войн в XXI в. – это не только анахронизм, но и отражение неспособности решать противоречия в рамках демократических процедур.

Бремя военных расходов, снижавшееся в последнем десятилетии XX в., вновь возрастает в XXI в. В США это во многом связано с ведением войн в Ираке и Афганистане, а также другими военными операциями за рубежом. Расходы на одного военнослужащего США в 7 раз превышают соответствующий показатель остальных стран НАТО (Григорьев 2013: 695).

Примечательно сравнение бремени военных расходов России и других ключевых стран. СССР был лидером по их доле в ВВП. Россия уступила эту сомнительную пальму первенства Саудовской Аравии, а в 2012 г. разделила по этому показателю второе место с США (см. Табл.).

Таблица. Военные расходы ключевых стран (в % ВВП) (Там же: 693)

Страна	Год	1988	2000	2012
США		5,7	3,0	4,4
НАТО без США		1,5	1,5	1,3
Великобритания		4,0	2,4	2,5
Германия		2,9	1,5	1,4
Франция		3,6	2,5	2,3
Япония		0,9	1,0	1,0
Саудовская Аравия		15,2	10,6	8,9
Россия		15,8	3,7	4,4
Китай		2,5	1,9	2,0
Индия		3,6	3,1	2,5
Бразилия		2,1	1,8	1,5

В заключение сделаем несколько замечаний об использовании в монографии некорректной или непрофессиональной экономической лексики. Так, советский акроним НИОКР (Там же: 107, 108, 732, 689, 789, 809) нельзя считать синонимом аббревиатуры НИР (*R&D*) – научные исследования и разработки. Существует два вида разработок: конструкторские и технологические, то есть разработки новых видов продукции и способов ее производства. В развитых странах расходы на оба вида разработок сопоставимы по масштабам. Разработки технологического характера позволяют в несколько раз снижать затраты на единицу продукции. Различаются также нововведения конструкторского (*product innovation*) и технологического (*process innovation*) характера. В советском акрониме упомянуты только конструкторские разработки. Это значит, что советский военно-

промышленный комплекс был нацелен на создание передовой по своим характеристикам военной техники, но не ставил цели снижения затрат на ее производство.

В этом контексте неправомерно заменять более широкое понятие «техника», включающее конструкторскую и технологическую ветви научно-технического прогресса, термином «технология» (Григорьев 2013: 112, 117, 152, 156, 157, 162) – калькой с английского “*technology*”. Этот английский термин соответствует русскому «техника». «Технология» в английском языке обозначается термином “*technique*”.

Следует отказаться от архаичного термина «норма накопления капитала» (Там же: 284, 800), поскольку под этим понимается не степень увеличения стоимости капитала, а речь на самом деле идет о норме капиталовложений, то есть о доле ВВП, расходуемой на вложения в капитал. Инвестиции преимущественно осуществляют в основной капитал, при этом их часть расходуется не только на прирост его стоимости, но и на возмещение выбытия и износа основных фондов.

Недопустимо одним словом «уровень» обозначать показатель абсолютного и относительного характера. Необходимо различать численность занятых и норму занятости (Там же: 374), численность безработных и норму безработицы (Там же: 383, 677, 687, 760, 797), то есть долю безработных в рабочей силе. Неправильно вместо различных показателей динамики общего уровня цен – коэффициента и темпа роста или прироста цен – использовать выражение «уровень инфляции» (Там же: 757). Кстати, темп роста не может быть отрицательным (Там же: 751) – отрицательным может быть темп прироста. Негативная динамика показателя выражается коэффициентом роста меньше 1 или темпом роста меньше 100. Темп прироста меньше темпа роста на 100 ед.

В целом монография заслуживает внимания экономистов и политиков, поскольку в ней дана развернутая характеристика ключевых проблем социально-экономического развития мира. Исследовательская составляющая представленного издания может вызывать споры. Это свидетельствует о том, что многие глобальные проблемы нуждаются в дальнейшей разработке силами отечественного и мирового сообщества экономистов-исследователей.

Библиография

- Григорьев Л. М. (общ. ред.) 2013. *Мировая экономика в начале XXI века: уч. пособие*. М.: Директ-Медиа.
- Клинов В. Г. 1992. *Большие циклы конъюнктуры мирового хозяйства. Проблемы анализа и прогнозирования*. М.: ВНИИПИ.

- Клинов В. Г. 2010.** *Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мировой экономики.* М.: Магистр.
- Клинов В. Г. 2013.** *Актуальные проблемы исследования экономической конъюнктуры.* М.: Магистр.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.* М.: Экономика.
- Akins J. E. 1973.** The Oil Crises. *Foreign Affairs* 3: 462–490.
- Economic Report of the President. 2014.** Washington: USGPO.
- Giles C. 2014.** China Economy Set to Overtake US. *Financial Times*. April 30.
- Jorgenson D. W., Mun S. H., Stiroh K. J. 2007.** A Retrospective Look at the U.S. Productivity Growth Resurgence. New York, FRB of N. Y. *Staff Report* 277.
- Krugman P. 2012.** *End This Depression Now.* New York; London: W. W. Norton & Co.
- Schumpeter J. A. 1939.** *Business Cycles. Analysis of the Capitalist Process.* New York: McGraw-Hill Book Company, Inc.
- Solow R. 1987.** We'd Better Watch Out. *New York Times Book Review* July 12.
- Tax Reforms in EU Member States. 2013.** Brussels: European Commission.